

А. Я. КАКОВКИН

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

В 1948 г. музей Бенаки в Афинах приобрел у антиквара Ф. Тано несколько интересных в историко-культурном отношении коптских тканей. Среди них были две горизонтальные, оборванные по узким сторонам вставки одинаковых размеров и с тождественными изображениями; слева и справа на них сохранилось по медальону с трудно различимыми изображениями. Между этими медальонами представлены две человеческие босоногие фигуры с нимбами. Греческие надписи рядом с их головами сообщают нам их имена. Слева — Диоген, справа — Лаиса.¹

Поскольку ткани совершенно тождественны, обращусь только к одной из них (инв. № 7242) (рис. 1). На ней Диоген представлен в трехчетвертном развороте влево. На нем короткая туника и развевающийся за спиной плащ. Голова его повернута в сторону зрителя. Правой рукой он как бы указывает на изображенную перед ним в фас Лаису. У нее из одежд только переброшенный через шею шарф. На шее ожерелье. В правой приподнятой руке она держит кастаньеты, ноги перекрещены. Позы фигур и кастаньеты в руке женщины позволяют предположить, что персонажи представлены танцующими. При том, что пропорции фигур соблюдены, трактованы они довольно примитивно и схематично, без детализации: фигуры оконтурены нитью темно-коричневого цвета, почему-то на руках и ногах персонажей по четыре пальца.

Красочная гамма вставки довольно скупа, в ней преобладают темно-песочные тона: фон светло-коричневый, тела бледно-желтые, туника

¹ Инв. № 7242 и 7243. В литературе фигурирует только ткань под инв. № 7242. Размеры: 24,5×15 см. Отреставрирована в 1999 г. Сохранность: с боков оборвана неровно; почти полностью утрачены нижняя часть женской фигуры, большая часть правой ноги мужчины; утраты ткани в области его пояса и в правом медальоне; кое-где разрывы. Надписи: ΔΑΩΓΕΝΗΣ (верно имя указано на второй вставке: ΔΩΓΕΝΗΣ), т. е. «Диоген», и ΛΑΙΣΑ, т. е. «Лаиса». Лит.: Koptische Kunst. Christentum am Nil. Villa Hügel, Essen. Essen, 1963. S. 334—335. No 343 (V—VI вв.); Christentum am Nil. Koptische Kunst. Zürich, 1963. S. 116. No 296 (V—VI вв.); Frühchristliche und koptische Kunst. Wien, 1964. S. 194. No 594 (V—VI вв.); L'art Copte. Paris, 1964. P. 182. No 204 (X в.); *Delivorrias A. Guide the Benaki Museum. Athens, 1980. P. 95; Egyptes... L'Egyptien et le copte. Lattes, 1999. P. 147 (VI—VII вв.); Egypte, la trame de l'Histoire. Textiles pharaoniques, coptes et islamiques. Paris, 2002. P. 144—145. No 111 (A) (VI—VII вв.).*

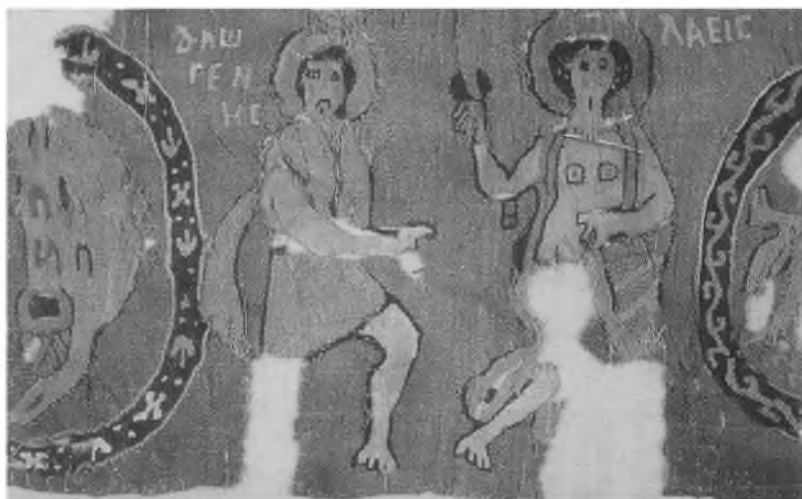

Рис. 1. Диоген и Лаиса. Фрагмент ткани. Египет. VIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

мужчины желтовато-коричневая, нимбы и шарф женщины зеленоватые. Диссонансом в красочном оформлении ткани выглядит обрамление фрагментированных медальонов: они насыщенного темно-синего цвета. Все это позволяет отнести ткани к ординарной ремесленной продукции наверняка не IV в. и не VI—VII вв. или X в. (как это делали мои предшественники), а скорее к VIII—IX вв.

Интерес к этой ткани (проявившийся и в том, что она часто фигурировала в справочной литературе, хотя впервые воспроизведена была — к тому же в цвете — только в каталоге временной выставки 2002 г. в Париже) обусловлен представленными на ней героями.

Изображение на тканях столь древнего времени Диогена и Лаисы, насколько мне известно, уникально. И уже поэтому, безусловно, образы требуют более подробного рассмотрения. К этому побуждают и лишь упоминание ткани в Путеводителе по музею А. Деливорриаса, и скудные каталожные описания, явно не соответствующие ее значимости, тем более что в этих источниках отсутствуют какие бы то ни было комментарии о представленных персонажах, характере их взаимоотношений в жизни и конкретно в той ситуации, в которой они изображены на ткани. Моя задача — восполнить хоть в какой-то степени эти пробелы.

Греческие пояснительные надписи, вытканые рядом с головами героев, также ставят этот образец в разряд очень интересных в историко-культурном отношении памятников.² Именно поименование персонажей привлекало внимание к ткани.

² Сохранились десятки коптских тканей с надписями, однако чаще всего эти надписи трудно разобрать, а в большинстве случаев они и вовсе не читаемы, поскольку только имитируют буквы. См.: *Gaselee S. Lettered Egyptian Textiles in the Victoria and Albert Museum // Archaeologia. 1924. Vol. 23. P. 80—81.*

Как известно, в истории сохранилось несколько (по меньшей мере пятеро) персонажей по имени «Диоген». Но в нашем случае совершенно определенно можно утверждать, что на ткани представлен Диоген, которого называли «Синопским» (по месту рождения в 400 г. до н. э.) или «Коринфским» (по месту проживания в качестве раба коринфянина Ксенида и месту своего упокоения в 323 г. до н. э.). Уверенность эта основывается на том, что рядом с ним изображена Лаиса. Эта жительница Коринфа была знаменитой гетерой. Источники свидетельствуют, что это была необычайно красивая, разборчивая и жадная женщина. У Лаисы было много поклонников, в их числе и Диоген.

Об этом человеке известно довольно многое. О нем писали его современники: Диокл, Евбулид («О Диогене»), Феофраст (в «Мегарике»), Менипп («Продажа Диогена») и другие — и авторы последующих поколений: Олимпиодор, Полиевкт, Лисаний, Зоил из Перги, Эпиктет, Клеомен, Максим Тирский и др. Особенно ценны свидетельства коллекционировавшего высказывания древних философов и сведения о них писателя III в. Диогена Лаэртского, посвятившего тезке 2-ю главу своей VI книги «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».³ Столь широкой известностью Диоген обязан своему учению и своему образу жизни.

Диоген Синопский — автор сочинений «Барс», «Послания», возможно, «Фиеста» — был основателем кинической школы и, как всякий основатель чего бы то ни было, он явился крайним выразителем своего учения. Образ его жизни, отличавшийся попранием всех общественных норм, вполне отвечал самым крайним правилам киников: Диоген презирал богатство, нищенствовал, никого не уважал и никому не оказывал почтения,⁴ «пикировался» с Платоном, который назвал его «безумствующим Сократом».⁵

Любопытно утверждение Диогена о том, что он «ведет такую жизнь, какую вел Геракл, выше всего ставя свободу».⁶

До нас дошли описания облика Диогена — бородатый полуголый старец, с посохом и сумой.

³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. Кн. 6. С. 240—260, 516—519. См. также: Светлов Э. [Мень А.]. На пороге Нового Завета. Брюссель, 1983. С. 120—124.

⁴ Исключением Диоген считал только добродетельных людей, которых он называл «подобиями богов» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях... С. 250), и гетер. «Красивых гетер он сравнивал с медовым возлиянием подземным богам» (Там же. С. 253). «Гетер он называл царицами царей, ибо те делают все, что угодно любовницам» (Там же. С. 254).

⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях... С. 251. А. Ф. Лосев называл философа «веселым и беззаботным греком» (Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский. М., 1981. С. 8).

⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях... С. 257. Любопытен в этом контексте отрывок из стихотворения Керкида из Мегалополя о Диогене:

... Был он поистине
Отпрыском Зевса и псом-небожителем.

Появление в долине Нила ткани с изображением этого киника можно объяснить широкой популярностью, которую приобрело его учение в III в., естественно, в первую очередь в Александрии Египетской.⁷

Примечательно, что ткач, наверняка знакомый с историей жизни Диогена, наполненной многочисленными анекдотическими и эксцентрическими эпизодами (проживание в бочке, поиски днем с фонарем в руках человека, поедание сырого мяса, лакание, как собака, воды и проч.), порою даже и непристойными (отправлениями естественной нужды прилюдно), остановил свой выбор именно на иллюстрации эпизода страстного увлечения философа гетерой. По-видимому, мастер решил представить этого героя в нестандартной, непривычной, малоизвестной для большинства людей интимной ситуации — в его взаимоотношениях с Лаисой. Вероятно, этим эпизодом ткач хотел продемонстрировать всепобеждающую силу любви (которую, кстати, философ и моралист называл «делом бездельников»⁸): отрицающий почти все нормы морали циник Диоген в любовных отношениях, оказывается, ничем не отличался от большинства представителей сильной половины человечества: на поверку и он оказался не более как простой, похотливый мужик. Но при этом ткач нашел просто пуританский вариант изображения любовных отношений философа с гетерой: он представил их всего лишь танцующими.⁹ Такая сцена позволяет включить ткань с этими героями в многочисленную и популярную у коптов в течение нескольких столетий группу тканей с изображениями так называемых любовных пар.

Источником такого рода изображений служил литературный «Каталог» таких пар, сложившийся в Александрии в позднеантичную эпоху.¹⁰ Он включал в себя обитателей Олимпа, мифологических и литературных героев, реже — исторических лиц: Арея и Афродиту, Адониса и Афродиту, Аполлона и Дафну, Ипполита и Федру, Диониса и Ариадну, Энея и Дидону, Мелеагра и Аталанту, Париса и Елену, Персея и Андромеду, Тезея и Ариадну, Аристотеля и Филлис и др. Многие из этих персонажей нашли свое воплощение и в коптском ткачестве.¹¹

Обычно на тканях (в большинстве случаев это были вставки, украшавшие одежды, реже — завесы) представляли стоящими рядом и, судя

⁷ Светлов Э. [Мень А.]. На пороге Нового Завета. С. 123.

⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях... С. 250.

⁹ Танцевальному мотиву в коптском ткачестве посвящена работа Odile Contamin «Les tissus coptes du Musée Historiques des tissus de Lyon. Etude du thème des danseurs» (Mémoire de maîtrise. Lyon, 1971). Но интересующего меня памятника в ней нет.

Не могу не отметить, что мастера, обращавшиеся к образу другого философа — Аристотеля — в его любовных похождениях, не были столь тактичными, как в случае с Диогеном. См., например, сцену на латунном тазе, выполненном в Нидерландах в конце XV в. (Нью-Йорк, музей Метрополитен, инв. № 64.101.1499), на котором запечатлена скандальная история о том, как предмет воздыханий Аристотеля Филлис подвергает его порке. См.: Декоративно-прикладное искусство от поздней античности до поздней готики: Каталог выставки. Л., 1990. С. 158, № 76.

¹⁰ Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 215.

¹¹ Nauwerth C. Mythologische Liebespaare der spätantike Dargestellt an Beispielen aus der koptische Kunst // Dielheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirche. 1988. Dezember. No 25. S. 97—108.

по жестам, беседующими одетого мужчину и обнаженную или полуобнаженную женщину.¹² Есть экземпляры с изображениями мужчины, преследующего женщину.¹³ Встречаются образцы, на которых мужчина и женщина скачут рядом на конях.¹⁴ Встречаются тканые образцы, на которых несколько пар сгруппированы вместе, их разделяют либо колонки, либо медальоны. Характерным памятником такого рода является вставка-полоса (V в.) из собрания Лувра, украшавшая ворот туники.¹⁵

Уникальность заинтересовавшего меня памятника заключается в том, что действующие лица в нем представлены танцующими. Этот вариант придает сюжету привкус фривольности, в большинстве случаев не свойственный такого рода изображениям (в которых обычно зафиксирован конфликт драматического характера — Аполлон и Дафна, Ипполит и Федра — или событие, окрашенное элементом мужества, — охотящиеся Эней и Дидона, Мелеагр и Аталанта).

Большая часть персонажей, составляющих «любовные пары», безымянна. Но в ряде случаев характерные иконографические особенности, типичные детали изображений, точное совпадение тканых персонажей с литературным первообразом, аналогии среди античных произведениях и т. п. позволяют с известной степенью уверенности их идентифицировать (чаще других узнаваемы: Аполлон и Дафна,¹⁶ Ипполит и Федра,¹⁷ Адонис и Афродита,¹⁸ Мелеагр и Аталанта¹⁹).

В редких случаях персонажи поименованы. Именно к этой категории относится и рассматриваемая ткань. Уверен, не будь на ней пояснительных надписей, вряд ли кто-либо из исследователей смог бы идентифицировать представленных на ней героев.

Примечательно, что у Диогена и Лаисы головы окружены нимбами — атрибутами, довольно редкими у персонажей этой группы тканей.

¹² Каковкин А. Я. О сцене на коптской ткани V века из Стенфорда (США) // Уходя, оставь свет... Памяти Евгения Владиславовича Зеймяля: Сб. статей. СПб., 2004. С. 75—79.

¹³ Bourguet P. du. Musée national du Louvre. Catalogue des étoffes copte. Paris, 1964. T. 1. P. 484. G 353 (X 4817); *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. Paris, 1991. P. 97, 99 (ill.).

¹⁴ Nolle R. Unerkannte Szenen aus der Aeneas-Dido-Sage auf koptischen Stoffen in Düsseldorf und Wien // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien, 1983. Phil.-hist. Klass. Jg. 119. So. 13. S. 261—270.

¹⁵ Ивн. № E 29294. См.: *Rutschowscaya M.-H.* 1) Un ensemble de tapisseries coptes à décor mythologique // La Revue du Louvre et des Musées de France. Déc. 1984. No 5—6. Fig. 17; 2) Tissus coptes. P. 92, ил. на с. 98—99; см. также: Art copte. Nouveau Drouot 9, rue Drouot. Paris, 25.01.1982. N 65.

¹⁶ *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. P. 95; Каковкин А. Я. Коптские памятники с изображением одной из героинь «Метаморфоз» Овидия // ВДИ. 2003. № 4. С. 169—173.

¹⁷ Каковкин А. Я. 1) Коптская ткань VI в. из собрания Музея исламского искусства в Каире // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 33—35; 2) Герои трагедий Еврипида на коптских тканях // ВДИ. 2001. № 3. С. 128—132. Рис. 1—4.

¹⁸ Каковкин А. Я. О двух коптских тканях-близнецах VIII в. из Лувра // Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 178—182.

¹⁹ *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. P. 100—101; Simon E. Meleager und Atalante. Ein Spätantiker Wandbehang. Bern, 1970 (Monographien der Abegg-Stiftung, Bern, 4).

Если нимбы у Диониса и Ариадны или Энея и Дидоны вполне обычны: они воспринимаются как символы их величия, то относительно наличия этого атрибута у философа и его возлюбленной я могу лишь сослаться на мнение Ф. И. Буслаева, отмечавшего, что нимбом — «сиянием обозначалось не одно святое, но и все важное, как-то: цари и властители, олицетворения идей и отвлеченных понятий и т. п.».²⁰ В данном случае полагаю, что нимб Диогена можно воспринять как символ духовной славы его как известного философа. У Лайсы — как косвенное отражение причастности к этой славе.

Достойна внимания и еще одна особенность афинского памятника: принципиальное отличие представленных на нем персонажей от остальных участников «любовных пар» состоит в том, что это не боги и даже не герои, а обычные, жившие на земле люди, о некоторых сторонах жизни которых (скорее всего, не без досужих домыслов) нам поведали их современники и пересказали потомки.

Мне неизвестны античные изображения Диогена с Лайсой, уже поэтому коптская ткань (независимо от того, копировал ли ткач древний образец или сподобился создать сцену самостоятельно) имеет большое историко-художественное значение.

Судя по красочной гамме, стилистическим признакам и характеру надписей, из мастерской, где была изготовлена ткань с изображениями Диогена с Лайсой, происходят две другие вставки, приобретенные одновременно с рассматриваемой. На одной из них — горизонтальной полосе — сохранилось часто встречаемое изображение стоящего в фас полубога Диониса с нимбом, опирающегося на колонну. У скрещенных ног юного бога, обутого в сапожки, сидит его обычная спутница — пантера. Слева от бога была несохранившаяся фигура Ариадны (о чем свидетельствуют надписи, схожие с теми, что рядом с Диогеном и Лайсой); с другой стороны — фрагментированный медальон с изображением прыгающего животного (рис. 2).²¹ Эта ткань, вместе с тканью с Диогеном и Лайсой, скорее всего, образовывала единую вставку-полосу по подолу. Не исключено, что, как и в подобного рода луврской вставке,²² в нее были включены и другие изображения любовных пар.

Вторая — квадратная вставка с изображением вписанного в круг Геркла, удушающего льва, служившая, скорее всего, нагрудным украшением.²³ Характерно, что и на ней участники эпизода также снабжены

²⁰ Буслав Ф. И. О русской иконе. Общие понятия о русской иконописи. М., 1997. С. 86.

²¹ Инв. № 7244. Размеры 15×18,6 см. Отреставрирована в 1999 г. Сохр.: боковые края оборваны неровно, фигура Ариадны утрачена. Надписи: ΔΙΟΝΥΣΟΣ, т. е. «Дионис», и ΑΡΙΑΔΗ (должно быть: ΑΡΙΑΔΗ), т. е. «Ариадна». Лит.: *Marangou L.* Benaki Museum. Coptic Textiles. Athens, 1971. P. 9; *Delivorrias A.* Guide the Benaki Museum. P. 95; *Egypte, la trame de l'Histoire...* P. 144—145. No 111 (B).

²² См. примеч. 15.

²³ Инв. № 7245. Размеры: 18,5×15,3 см. Отреставрирована в 1993 г. Сохр.: края оборваны, кое-где разрывы. Надписи: ΗΡΑΚΛΗΣ, т. е. «Геркл», и ΛΕΩΝ, т. е. «лев». Лит.:

Рис. 2. Дионис. Фрагмент ткани. Египет. XIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

греческими пояснительными надписями, начертанием очень схожими с теми, которые вытканы рядом с Диогеном и Лайсой (рис. 3). Геракл был, как уже отмечалось, почитаем Диогеном и самым непосредственным образом связан своими спасительными функциями с Дионисом и Ариадной, сопровождающей их свадебный кортеж, который запечатлен по меньшей мере на двух коптских тканях V в.²⁴

Marangou L. Benaki Museum... P. 8; Delivorrias A. Guide the Benaki Museum. P. 95; Nauerth C. Formen des Herakles. Seine Gaten auf koptische Stoffen // ΘΙΑΣΟΣ ΤΩΝ ΜΟΥΣΩΝ. Festschrift für J. Fink zu 70. Geburtstag. Köln: Wien; 1984. S. 62, 64. Abb. 17; Каковкин А. Я. Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. статей. Л., 1988. С. 48. Рис. 6; Egypt, la trame de l'Histoire... P. 145. No 112.

²⁴ Образы на коптских тканях Диониса (часто изображавшегося именно в обществе Ариадны) и Геракла легко объяснимы, поскольку в Египте Дионис был самым популярным из греческих богов, а Геракл — самым известным греческим героем. Об этом свидетельствуют десятки художественных памятников с их образами и литературные произведения, посвященные этим персонажам. Основная литература о происходящих из Египта разнообразных художественных памятниках с изображениями Диониса и Геракла (скульптура, ткани, кость и др.) довольно полно представлена в моей работе: О двух коптских тканях с изображениями двенадцати подвигов Геракла // Византия и Ближний Восток (памяти А. В. Банк): Сб. науч. статей. СПб., 1994. С. 41—54. Рис. 1 (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 11337); рис. 2 (Нью-Йорк, музей Метрополитен, инв. № 18.244).

Рис. 3. Геракл, удушающий льва. Фрагмент ткани. Египет. VIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

Объединительным мотивом мужских персонажей на афинской ткани, на мой взгляд, была присущая им любовная страсть.

Рассматривая коптскую ткань с образом Диогена, нельзя не обратить внимания на другой коптский памятник, но уже литературный, в котором фигурирует все тот же Диоген. Речь идет о пергаменном кодексе X—XI вв., разрозненные листы которого хранятся в собраниях Каира, Вены, Берлина. На одном из таких листов (из венского собрания — P. Vindob. K 944; размеры: 24,5×14 см) помещен текст, озаглавленный «Заметки о философах». Содержание его следующее:

«Философ Анахарсис сказал как-то о винной лозе: „Она обыкновенно приносит три грозди. Первая — благополучие, вторая — желание, третья — позор”.

Философ Диоген увидел парня, стоявшего с девушкой. Тут он сказал: „Посмотри, вот огонь, который стремится к другому огню”.

Философ Диоген увидел девушку, которую учили писать. И сказал он: „Взгляните, вот меч, который оттачивают”.

Философ Диоген увидел глупца, сидящего на камне. И сказал он: „Взгляните, вон там один камень сидит на другом”.

Однажды некто спросил философа Диогена: „Что острее ножа?”. Философ ответил: „Человеческое вероломство”.

Философ Диоген увидел однажды женщину, которую несли в паланкине. И сказал он: „Мала клетка, да большой зверь в ней”²⁵

Этот литературный памятник примечателен тем, что он свидетельствует об интересе египтян, живших на рубеже тысячелетий, к творчеству древнегреческих философов, в том числе и к Диогену. Он же подтверждает издавна существовавший и широко распространенный в Египте и соседних странах неизбывный интерес к афоризмам — кладезю многовекового житейского опыта. И цари, и простолюдины собирали подобного рода произведения.²⁶

Примечательно, что коптские ткачи донесли до нас не только образы представителей культуры и истории древности: баснописца Эзопса со своим хозяином философом Ксанфом,²⁷ персидского царя Кира Велико-го,²⁸ поэта Арата из Сол,²⁹ Александра Македонского,³⁰ — но и людей нашей эры: апостола и евангелиста святого Марка,³¹ равноапостольной

²⁵ Till W. Griechische Philosophien bei den Kopten // *Mélanges Maspero II. Orient grec, romain et byzantin*. Le Caire, 1934. I fasc. P. 165—175.

²⁶ Моренц усмотрел влияние рассказа Плутарха и Диогена Лаэртского о встрече Александра Македонского с Диогеном в изложенном в «Изречениях египетских отцов» («*Aprophthegmata patrum Aegyptiorum*») эпизоде беседы в Константинополе императора Феодосия с неким монахом египтянином (*Morenz S. Ein koptischer Diogens. Griechischer Novellenstoff in ägyptischer Mönchserzählung // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1941. Bd 77. H. 1. S. 52—54. См. реплику на эту работу: *Doresse J. A propos d'un apophthegme copte: Diogène et les moines égyptiens // Revue de l'histoire des religions*. 1944. T. 128. P. 84—89).

²⁷ *Donadoni S. Stoffe decorate da Antinoe // Scritti dedicati alla memoria di Ippolito Rosellini nel primo centenario della morte* (4 giugno 1943). Firenze, 1945. P. 128—129. No cat. 49. Tav. XXII, 20; *Del Francia L. Tissus coptes d'Antinoë à Florence // Rivista degli studi orientali* (1984). 1987. Vol. 58. Fasc. 1—4. P. 66—67. Pl. V, fig. 7.

²⁸ *Каковкин А. Я.* 1) О главном персонаже на «сасанидо-коптских» тканях-двойниках из Антинои // *Культура и искусство христиан-негров*. Научная конференция памяти А. В. Банк: Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 21—25; 2) Изображение персидского царя на коптских тканях // ПКНО: Ежегодник 2003. М., 2004. С. 532—537.

²⁹ *Benaki Museum. A short guide*. Athens, 1959. P. 25 (ил.), 34; *Апостолаки А.* *Εὐκὼν του Αράτου ἐπὶ ὑφάσματος*. Αθήναι, 1938; *Каковкин А. Я.* Уникальная коптская ткань IV в. из музея Бенаки (инв. № 7147) в Афинах // ПКНО: Ежегодник. М. (в печати).

³⁰ *Berliner R. Horseman in tapestry roundels found in Egypt // Textile Museum Journal*. 1963. Vol. 1. No 2. P. 39—54; *Shepherd D. Alexander — the victorious emperor // Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1971. No 58. P. 245—250.

³¹ *Delivorrias A. Guide the Benaki Museum*. P. 95; *Каковкин А. Я.* 1) Образ святого апостола и евангелиста Марка в коптском искусстве // Государственный Эрмитаж. Копты: религия, культура, искусство: Тезисы докладов участников научной конференции, посвященной памяти В. Г. Бока (1850—1899). СПб., 1999. С. 20—23; 2) Житийные сцены святого апостола и евангелиста Марка на костяных пластинах «группы Градо» // Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура»: Тезисы докладов участников VII коллоквиума. 8—14 апреля 1999 г. СПб., 2000. С. 43—45.

святой первомученицы Феклы,³² духовного покровителя Антинополиса (Антиноэ), священномученика Коллуфа³³ и др.³⁴

³² *Каковкин А. Я.* 1) Образ святой Феклы в коптском искусстве // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга: Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 48—51; 2) Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи «часовни Исхода» в эль-Багавте // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 226—231.

³³ *Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture. Exhibition: Catalogue.* London, 1994. P. 80. No 72.

³⁴ Естественно, что большинство персонажей, воплощенных ткачами (уже в силу специфического характера этого ремесла и крохотных размеров изображений) не может претендовать на портретное сходство с первообразом (далеко не все они и сохранились до нашего времени), но некоторые из них несомненно наделены индивидуальными чертами. Например, св. Коллуф (ум. 305 г.). См.: *Каковкин А. Я.* Почитание святого мученика Коллуфа в долине Нила // Культурное наследие Египта и Христианский Восток (Материалы международных научных конференций). М., 2002. С. 129—134.